

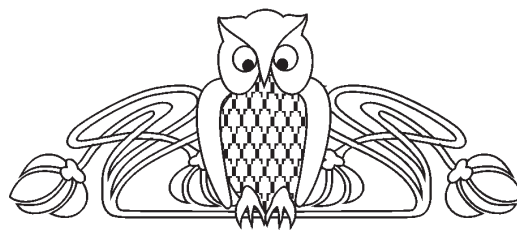

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 389–394
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 389–394
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-389-394>

Научная статья
УДК 94(470.67-22)|1921/1925|

Дагестанский аул эпохи нэпа: штрихи повседневности (первая половина 1920-х годов)

М. М. Амирханова

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Россия, 367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского, д. 75

Амирханова Мадина Магомедовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории, amirkhanova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8218-0006>

Аннотация. В статье на основе архивных документов расследуется влияние нэпа на повседневную жизнь сельского населения Дагестана в первое десятилетие советской власти, оказавшееся для него обременительным. Несмотря на классовый подход, новая налоговая кампания привела к ухудшению материального положения горца, поскольку проводилась без учета специфики сельского хозяйства Республики. Важным фактором для улучшения материального положения населения являлось эффективное развитие сельскохозяйственного производства, для чего необходимо было осуществить целый комплекс мер, в частности мелиорацию, обеспечение сельскохозяйственными машинами. В этом плане ощутимой была помощь государства, создание сельскохозяйственных товариществ, предоставление кредитов. Автор приходит к выводу о том, что новая экономическая политика государства для дагестанского аула имела двоякий характер. Хотя она была призвана развить производственную инициативу мелкого производителя, в итоге вызвала нарекания крестьян. В то же время комплекс мер по повышению эффективности аграрного сектора способствовал его возрождению, что, в свою очередь, благотворно сказывалось на повседневной жизни сельского населения.

Ключевые слова: дагестанский аул, повседневность, советская власть, нэп, мелиорация, обеспечение сельскохозяйственными машинами

Для цитирования: Амирханова М. М. Дагестанский аул эпохи нэпа: штрихи повседневности (первая половина 1920-х годов) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 389–394. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-389-394>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Dagestan aul of the NEP era: Touches of everyday life (the first half of the 1920s)

М. М. Amirkhanova

Dagestan Federal research center of the Russian Academy of Sciences, 75 Yaragskogo St., Makhachkala 367030, Republica Dagestan, Russia

Madina M. Amirkhanova, amirkhanova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8218-0006>

Abstract. The article examines rural everyday life in Dagestan in the first decade of Soviet power. On the basis of archival documents, the influence of the NEP on the daily life of the rural population, which turned out to be burdensome for them, is revealed. Despite the class approach, the new tax campaign led to a deterioration in the financial situation of the highlander, since it was carried out without taking into account the specifics of the republic's agriculture. An important factor for improving the financial situation of the population was the effective development of agricultural production, for which it was necessary to implement a whole range of measures: land reclamation, provision of agricultural machinery. In this regard, the state's assistance, the creation of agricultural partnerships, and the provision of loans were tangible. The author comes to the conclusion that the new economic policy of the state for the Dagestan aul had a twofold character. Although it was intended to develop the production initiative of a small producer, in the end, the tax system was created.

Keywords: governor, Dagestan aul, everyday life, Soviet power, NEP, land reclamation, provision of agricultural machinery

For citation: Amirkhanova M. M. Dagestan aul of the NEP era: Touches of everyday life (the first half of the 1920s). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 389–394 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-389-394>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

С переходом СССР к мирному строительству система военного коммунизма вошла в противоречие с интересами крестьянства. В марте 1921 г. на X съезде РКП(б) было принято решение о переходе от военного коммунизма к новой экономической политике (нэп)¹. Замена продразверстки продналогом была лишь первым шагом по пути осуществления нэпа и этот шаг имел огромное значение, ибо он развивал производственную инициативу, поощрял мелкого производителя, обеспечивал ему известную выгоду. Кроме того, такой шаг неизбежно вызывал перестройку всего хозяйственного механизма, всей экономической политики государства не только в области сельского хозяйства, но и в сфере промышленности, организации труда, осуществлении обмена между городом и деревней. В статье, помещенной в газете «Красный Дагестан», отмечалось: «Военный коммунизм с продразверсткой неблагоприятно отразился на крестьянском хозяйстве, результатом чего явилось недовольство и шатание крестьянства... Но вовремя взятый курс на нэп снова восстановил доверие крестьянства к советской власти»². Продналог был меньше продразверстки, размер и сроки его внесения становились известными крестьянам до весеннего сева.

Хронологические рамки статьи ограничены начальным периодом нэпа в Дагестане, когда особенно остро проявлялись особенности ее проведения, связанные с социально-экономической отсталостью Республики, влиянием феодально-патриархальных пережитков.

Отдельные аспекты исследуемой проблемы рассматривались в региональной историографии. В работе «Очерки истории Дагестана» (т. 2) освещается переход от политики военного коммунизма к нэпу, дается оценка последствий этого события для дагестанского крестьянства³. В коллективной монографии «История советского крестьянства Дагестана» (т. 1) говорится о помощи государства в эффективном развитии крестьянского хозяйства, анализируются выступления части крестьянства против аграрной политики советской власти и т. д.⁴ Ценный материал по самым различным аспектам изучаемой проблемы содержится в материалах обследования отдельных горных округов Республики в 1924 г. Рабоче-крестьянской инспекцией⁵.

Первая сессия ДагЦИКа в декабре 1921 г. признала приемлемыми для Дагестана принципы единого натурального налога и предложила Совнаркому и Наркомату продовольственного обеспечения провести в Республике соответствующий проект Декрета в жизнь. В этом же году продналог в Дагестане был установлен в размере 65 тыс. пудов вместо 1270 тыс. пудов продразверстки⁶. Однако без конкретного учета особенностей Республики, его сбор вызвал нарекания с мест. Отсутствие данных об имевшихся хозяйствах, контрольных цифр требовал привлечения к этой работе, прежде всего, самого крестьянства, хорошо знавшего местные условия.

Следовало также иметь в виду особенности природно-климатических условий и географической среды Дагестана, малоземелье, наличие большой прослойки консервативного мусульманского духовенства, ратовавшего за сохранение старых порядков, что требовало особой осторожности при проведении радикальных преобразований.

Выступая на III сессии ДагЦИКа I созыва (11–15 октября 1922 г.), М. Эльдаров – председатель Аварского окружного ревкома, депутат от округа подчеркивал: «Три кампании сразу – продналог, трудгужналог, семенная ссуда явились бременем для населения. Я своевременно обращался в Подчека, чтобы продналог нам снизили, но этого не произошло, и обыкновенно ответработники Центра при провале привыкли ссылаться на бездеятельность мест. Между тем сами местам ничего не дают. В Центре большие, сильнейшие декреты издаются, а кто их нам в горах отсталым, «темным» может разъяснять. Никого нет...»⁷. Трудгужналог, взимаемый в виде обязательного привлечения населения к бесплатному выполнению определенных работ и использованию принадлежащих отдельным гражданам гужевых средств по указанию органов советской власти, был введен декретом Совнаркома от 30 ноября 1921 г. С 1923 г. он уплачивался деньгами (за исключением обязательных работ по ликвидации стихийных бедствий), исходя из 4-х налоговых дней. В конце 1923 г. с введением единого сельхозналога и реорганизацией подоходно-имущественного налога трудгужналог был отменен, а семенная ссуда направлялась для нужд города и армии.

И округах, расположенных на плоскогорье, имелись серьезные трудности с поступлением задолженности по семенной ссуде. Например, в Ачикулакском округе ввиду неурожайных лет и крайнего обнищания ногайских бедняцких хозяйств, нуждающихся в материальной поддержке, исполком возбудил ходатайство о сложении с них семенной ссуды⁸. По Дагестану в целом задолженность по семенной ссуде на 1 июля 1926 г. составила 1157308 руб. 22 коп.⁹

В период перехода к нэпу сельское хозяйство Дагестана столкнулось с большими проблемами, связанными с засухой 1921 г. и ее последствием – голодом.

Исходя из тяжелого материального положения населения горных округов, в предписании НКВД Аварскому окружному ревкому от 27 июля 1921 г. указывалось, что при привлечении населения к трудовой и иной повинности необходимо придерживаться классового подхода. «Вся тяжесть, как арбонной, так и трудовой повинности, должна ложиться на тот элемент, который шел против советской власти, а также на тех, которые вели себя в последней борьбе нейтрально. Ни в коем случае недопустимо привлекать к ним революционные аулы, как, например, аул Хунзах... Совершенно освобождать семьи красноармейцев и красных партизан...»¹⁰.

В информационной недельной сводке ОГПУ (Дагестанское отделение Главного политического управления) в Дагобком с 1 по 8 января 1924 г. о положении дел в сельском хозяйстве Республики сообщалось: «Лето 1923 г. оказалось чрезвычайно неблагоприятным для выращивания хлебов. На плоскости много вреда принесли грызуны, а также продолжительные дожди, во многих случаях, совершенно уничтожившие посевы»¹¹. Общее количество урожая хлеба в указанном году составило 2,5 млн пудов, а годовая потребность в нем по статданным равнялась 13,2 млн пудов. Из-за катастрофического положения Дагестана он был признан Центром остро нуждающимся.

В аналогичной сводке от 8 по 16 января того же года говорилось о тяжелом экономическом положении крестьян и о голоде в Самурском и Аварском округах. Вследствие этого начался значительный отход населения в Грузию на временное и постоянное жительство. Недостаток хлеба имел место и в других округах. На этой почве у крестьян появилась «скрытая вражда к советской власти и РКП. Среди крестьянства зарождается новый пролетариат, но несознательный, который вынужден искать себе работу на отхожих промыслах, а не находя последнего, занимается грабежами. Благодаря все-му этому, фанатичное духовенство имеет хорошую почву для реакционной работы...»¹².

Анализ архивных документов наглядно показывает социально-экономическое состояние отдельных сельских районов, отношение местного населения к мероприятиям советской власти. Так, на II сессии ДагЦИКа V созыва (5–9 октября 1925 г.) рассматривался вопрос об Андийском округе и Нижне-Дженгутаевском сельсовете. В Андийском округе сельское хозяйство развивалось слабо. Земельный отдел райисполкома здесь был упразднен. Отсутствовали агрономическая и землеустроительная сети. Население, занимавшееся полеводством, садоводством и скотоводством, продолжало работать старыми, примитивными способами. Неурожаи, гибель скота влияли на сельское хозяйство негативно, и большинство бедняков вынуждены были уходить на заработки в плоскостные районы Республики, Азербайджан и Грузию. Совхозов и других коллективных хозяйств в округе не было создано¹³.

Непростым было положение и в Нижне-Дженгутаевском сельсовете. В годы Гражданской войны село оказалось в эпицентре военных действий. Агрономическая помощь населению почти не оказывалась. Землеустроительные работы не были начаты. В то же время в апреле 1924 г. было создано сельскохозяйственное товарищество «Комекчи». В августе того же года в нем насчитывалось 298 членов. С 1920 г. существовала и потребительская кооперация, в которую вступило большинство дженгутаевцев.

Крестком, организованный в селе, работал неудовлетворительно. Оказываемая им помощь населению выражалась в отпуске для умерших бед-

няков средств на похороны, а также на пропитание. Отношение духовенства к этому органу было не особенно доброжелательным. Население относилось к Кресткому достаточно благосклонно. В резолюции сессии ДагЦИК о социально-экономическом положении этих поселений оно было признано тяжелым. В связи с этим предлагалось осуществить целый ряд практических мер по их развитию¹⁴.

XII съезд партии, состоявшийся в 1923 г., указал, что в обстановке оздоровления хозяйственной жизни «...партия теперь может и должна сделать следующий шаг в деле расширения для крестьянства возможности свободно распоряжаться продуктами своего труда»¹⁵. Для этого съезд считал необходимым заменить натуральные платежи денежными и перейти к одному прямому сельскохозяйственному налогу, который обеспечил бы «соответствие тяжести обложения каждого хозяйства с размерами его доходов и достатка» и дал бы «возможность советской власти наилучшим образом проводить политику ограждения интересов крестьянской бедноты»¹⁶.

Начиная с 1924 г., продналог, подворно-денежный, трудгужналог и все местные налоги были объединены в единый сельскохозяйственный налог. Для выяснения бюджета дагестанского крестьянства и уточнения размеров налогового обложения, Дагобкомом было решено создать особую комиссию главным образом из представителей Рабоче-крестьянской инспекции. Она должна была выехать в округ, планировалось обследовать всего 15 хозяйств. Обследование было проведено в 1923–1924 гг. в отдельных плоскостных и горных округах Дагестана. Был собран значительный материал о занятиях, землепользовании, жилищных условиях крестьян, типах хозяйств, средствах производства, крестьянском бюджете, укладе жизни горцев и т. д.

В данном контексте представляет интерес описание хозяйства горцев-представителей разных социальных групп. Так, семья горца-батрака Омара-Магомеда-Оглы 33 лет, имевшего жену и двоих детей: сына 6 лет и дочку 3 лет, отличалась хорошим здоровьем. Грамотой члены семьи не владели. До революции Омар Магомед-Оглы ходил на заработки в селения Цудахар, Дешлагар, города Темир-Хан-Шуру, Грозный. Во время Гражданской войны был красным партизаном и в 1921 г. сражался против банд Гоцинского.

В период проведения инспекцией обследования вследствие безработицы в Дагестане вынужден был сидеть дома, занимался только своим хозяйством, или поденно работал на состоятельных сельчан, выполняя разные сельскохозяйственные работы¹⁷. По заявлению самого Омара, подтвержденному председателем сельсовета, до революции семья материально была более обеспечена, так как работу найти было легче. В общей сложности все его домашнее имущество, считая одежду, стоило не более 25 руб.¹⁸ Жилье он имел в селении Телетль Гунибского округа. Оно представляло собой одну,

кое-как сложенную из камня саклю, состоящую из одной курной комнаты с маленьким скотным сараем под низом. Пол, потолок и крыша были глиняные, стены внутри обмазаны глиной, окон не было, их заменяли два отверстия.

Семья горца-бедняка Абдурахмана Магомеда-Оглы из селения Хулут Лучекского участка Самурского округа состояла из 6 чел., трое из которых – взрослые. Все члены семьи были здоровы, безграмотны. Жили в двух комнатах, размером 32 и 28 аршин; одна комната темная, курная без окон, с отверстием в потолке вместо окна и дымовой трубы, а другая светлая с 2-мя окнами. Семья жила в курной комнате, так как светлая предназначалась для приема гостей¹⁹. Стоимость всего домашнего имущества с одеждой оценивалась приблизительно в 100 руб.²⁰

Семья горца-середняка из предгорного района состояла из 7 чел., в том числе 2 взрослых, 2 подростков и 3 малолетних. Вся члены семьи не владели грамотой. Сам Иса Али-Оглы за всю свою жизнь никуда не выезжал, занимался только своим хозяйством. С установлением советской власти состоял членом сельской кооперации. Семья жила в довольно просторной, выстроенной из камня и глины сакле, с открытым балконом впереди и небольшим двором, где находились постройки для скота. Усадьба была огорожена каменным забором, без ворот. Сакля состояла из двух больших и одной маленькой комнаты, общей площадью около 62 кв. аршин. Крыша, пол и потолок сакли были глиняные, двери и оконные рамы дубовые, окна не были застеклены. Семья жила в двух комнатах, а третья была кунацкой²¹. Сакля с двором и постройками, вся домашняя обстановка с одеждой и обувью оценивалась примерно в 220 руб.²²

Горец-богатей из предгорного района, еще крепкий работник 50 лет, имел жену 45 лет и 8 человек детей (5 сыновей в возрасте от 4 до 20 лет и 3 дочерей – от 6 до 12 лет). Семья отличалась хорошим здоровьем. Глава семьи и два его старших сына владели арабской грамотой и могли писать на аджаме. Кроме членов семьи, в доме проживал постоянный батрак, нанимаемый обычно на год, которому в качестве платы выдавались 30 пудов пшеницы, пища и одежда. Семья жила в хорошей двухэтажной сакле, построенной из тесаного камня с открытым широким балконом впереди. Верхний этаж состоял из 5 комнат, приспособленных для жилья, а нижний – использовался для хозяйственных надобностей. Двор был просторный, огороженный высоким каменным забором с дубовыми воротами и калиткой. Крыша была плоская глиняная, пол жилого помещения – также глиняный, а потолок – деревянный. Двери и оконные рамы были дубовые, все окна остеклены. Из 5 комнат одна была отведена под кладовую, другая обставлена побогаче и считалась кунацкой, в остальных трех жила семья. Стоимость данного хозяйства в общей сложности составляла 950 руб.²³

Приведенные характеристики отдельных крестьянских хозяйств наглядно демонстрируют еще сохранявшееся значительное имущественное расслоение в дагестанском селе в первой половине 1920-х гг. Исходя из этих данных, и следовало проводить налоговое обложение крестьян. Однако в реальности налоговая кампания не была лишена серьезных недочетов и нарушений.

Каким же образом отразился новый налог на крестьянском хозяйстве горца? Он оказался легче разверстки, но в общем для дагестанского крестьянина он был обременительным. В Дагестане с его разноотраслевым сельским хозяйством в отдельных районах трудно было назначить налог, случалось так, что крестьянин сеял только кукурузу, а с него требовали уплатить пшеницей. Или с зернового хозяйства, находящегося в скотоводческом районе, налог взыскивался мясом, который крестьянин вынужден был покупать, так как своего скота у него не было.

В то же время распределение налога между отдельными округами Дагестана осталось почти без изменений. Например, при царском правительстве больше всех платил Буйнакский округ, затем Лакский, Гунибский, Аварский и Даргинский. Такое же соотношение сохранилось и в 1923 г.²⁴ С другой стороны, сбор налога проходил по разным округам неравномерно. Об этом свидетельствует, в частности, сводка ОГПУ с 1 по 8 декабря 1924 г. Так, «... в Кизлярском округе сбор сельхозналога протекал удовлетворительно. Бедняцкому населению, ... пострадавшему от стихийных бедствий, ... Наркомфином ДССР была предоставлена льгота 20 %. В Кюринском округе, наоборот, протекал слабо, некоторые селения округа, ссылаясь на тяжесть налога, отказались в выдаче такового»²⁵. В Ачикулакском районе имелись свои трудности. Местные власти обещали населению, что расходы по проведению тех или иных кампаний (строительство школ, их ремонт и т. д.) будут осуществляться за счет сельхозналога. Однако от уплаты они не освобождались. Благодаря этому у жителей сложилось впечатление, что их обманули.

При проведении налоговой кампании наблюдались и перегибы. Например, в Курахском районе при мясозаготовках их тяжесть ложилась в основном на середняцкие и бедняцкие хозяйства. К примеру, у жителя одного из сел района Усука Панаева, платившего сельхозналог 4 руб., имевшего при 15 членах семьи 1 лошадь, 2 быков, 3 коровы, 20 баранов, подлежали обложению 2 коровы и 10 баранов. А другого селянина – Гусейнова, платившего налог в размере 2 руб., имевшего 2 быков, одну корову, 10 баранов, обложили в сумму одного быка. Таких случаев по данному району было зафиксировано около 200²⁶. Иногда середняцкие хозяйства переводили в разряд зажиточных, кулацких и соответственно неправильно облагали повышенной суммой налога. Тогда селяне жаловались на свое бедственное материальное положение, из-за которого не в состоянии были платить налог.

Нередки были факты выхода женщин с отказом от уплаты налога. Так, в селении Старый Чиркей Буйнакского района 30 марта 1924 г. группа женщин единоличниц в количестве 60 чел. пришла в сельсовет, где заявила: «Мы не можем давать государству ни мяса, ни масла, как хотите, с нами поступайте, мы обнищали и не в состоянии уже прокормить себя»²⁷. В результате проверки уполномоченным Комитета по заготовкам была установлена правильность налогообложения, а выступление женщин состоялось под влиянием антисоветских элементов. Подобные инциденты имели место и в других селениях Республики.

В 1924 г. ВЦИК и СНК СССР издали новое положение о едином сельхозналоге, которое исправило многие недостатки налоговой системы 1923 г.

Разумеется, для улучшения материального положения населения необходимо было возобновить сельскохозяйственную деятельность и использовать огромные земельные площади в плоскостных районах Республики. С этой целью необходимо было осуществить мелиорацию, урегулировать вопрос с водопользованием, расширить сеть оросительных каналов. С установлением новой власти население округов, видя, что все их просьбы Центром остаются без удовлетворения, продолжало так же, как и раньше, проводить каналы, ремонтировать их, выполнять все мелиоративные работы.

В июне 1923 г. СНК ДАССР обратился в Наркомат земледелия РСФСР с ходатайством об отпуске кредита на сумму 57172 руб. золотом на постройку 76 артезианских колодцев в Хасавюртовском, Кизлярском и Караногайском округах. Существовавшие ранее здесь колодцы пришли в полную негодность. Отсутствие воды делало эти районы непригодными для жизни. А устройство 76 колодцев давало возможность орошения 360000 десятин²⁸.

На III Вседагестанском съезде представитель окружных исполкомов и земельных отделов (23–27 сентября 1924 г.) констатировалось, что Управлению мелиорации следует прийти на помощь населению. К примеру, в Кизлярском районе необходимо было немедленно приступить к организации мелиоративных работ в должном масштабе и привлечь к ним желающее трудиться население. Предлагалось посылать в вузы и дагестанцев для подготовки квалифицированных кадров мелиораторов²⁹.

Помощь Советского государства позволила развернуть в широких масштабах мелиоративные работы. К осени 1924 г. лишь в Аварском и Хасавюртовском округах были восстановлены и построены новые каналы протяженностью до 700 верст. Только в 1924–1925 гг. на мелиоративные работы (кроме работ по Каналу им. Октябрьской революции) в Дагестане было израсходовано 563064 руб., в том числе выданные Советским правительством 113798 руб. безвозвратной и 37867 руб. возвратной ссуды и 113780 руб. по местному бюджету³⁰.

Население Республики с большой благодарностью восприняло эту помощь. Вот что писали крестьяне с. Куани Аварского округа 24 августа 1925 г.: «Мы, уполномоченные, от лица всего населения выносим свою глубокую благодарность за оказанную материальную помощь, обеспечившую нас хорошей питьевой водой, правительству СССР и ДАССР, а также и братьям рабочим Союза республик за их трудовые деньги». Жители с. Балхар Даргинского округа 12 сентября 1925 г. приносили «глубокую благодарность советской власти за оказанную помощь при постройке водопровода, о каковой постройке общество и его беднейшая часть мечтали 65 лет».

Важной была помощь государства и в деле обеспечения крестьян сельскохозяйственными орудиями и инвентарем. Оснащенность ими крестьянских хозяйств была крайне низкой, что наряду с отсутствием тягловой силы тормозило восстановление и подъем сельского хозяйства. В 1924 г. в Дагестане было 88,5 % хозяйств без сложных уборочных машин, а без пахотных и уборочных машин – 67,2 %³¹.

Между тем большая часть сельхозинвентаря, машин и орудий из имений беков, и богатых граждан была расхищена зажиточными селянами и кулаками. Она оставалась или неиспользованной по назначению, или продавалась на сторону в ущерб интересам государства и бедноты. Сбор разграбленного сельскохозяйственного имущества в административном порядке производился Наркоматом земледелия при содействии Наркомата внутренних дел в случае необходимости³².

Отмечая интерес населения плоскостных районов к механической обработке земли и принимая во внимание недостаточность рабочего скота, что препятствовало расширению посевной площади, вышеуказанный съезд посчитал необходимым просить Центр снабдить плоскостной Дагестан тракторами, каковых требовалось на первое время – 8. Газета «Красный Дагестан» сообщала: «23 марта была произведена пробная пахота трактором «Фордзон», полученным из заграницы Госторгом и доставленным в Дагестан... На днях в Шамхал будут отправлены два трактора, где они произведут работу в присутствии сельчан... дагестанский крестьянин увидит ту железную машину, которая пришла на смену рабочему тяглу»³³.

В 1924–1925 гг. было завезено 35 тракторов этого типа и к 1926 г. общее число их составило по Дагестану 6334.

В республиканской газете «Красный Дагестан» часто сообщалось о сельскохозяйственных машинах фирмы «Балтик», хранившихся под открытым небом у Наркомата земледелия. Затем они были обменены на Кубани на более пригодные в условиях Республики на сумму в 55 тыс. руб. золотом³⁵. Полученные сенокосилки, жатки и другие орудия отпускались населению по довоенной цене в кредит до нового урожая. Спрос

со стороны населения был большой, и существовала необходимость пополнить имеющееся количество машин.

Торговым отделом Наркомата земледелия предлагались селянам плуги разных систем и размеров по цене от 30 до 60 ц зерна пшеницы за штуку³⁶. Они посчитали расценку очень высокой, так как у частных лиц можно было купить дешевле. По просьбе селян было возбуждено ходатайство о снижении расценки.

Кроме того, создавались сельскохозяйственные товарищества, которые помогали крестьянам с обеспечением сельхозинвентарем. Например, Щедринское кредитно-сельскохозяйственное товарищество было организовано в 1923 г. К октябрю 1927 г. в нем состояло 170 членов, а сумма открытого кредита равнялась 19680 руб. В течение 1925–1926 гг. было получено от банков ссуд на 10989 руб. Члены товарищества были снабжены: плугами – 47 штук, двухзвенными бородами – 13, сенокосилками – 10 и т. д.³⁷ Начав дело с нескольких копеек и десятка членов, товарищество развернулось в довольно сильную организацию с оборотом в сотни тысяч рублей.

Снабжение инвентарем и сельскохозяйственными машинами улучшилось после 1925 г. Вновь поступившую технику весной 1926 г. получили более 29 тыс. середнячко-бедняцких хозяйств Республики³⁸. Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства позволило Республике проводить широкие агротехнические мероприятия, добиваться повышения урожая и лучшей его сохранности.

Таким образом, новая экономическая политика советской власти, призванная улучшить материальное положение, в частности сельского населения, в реальности обернулась для него тяжелым бременем. В повседневной жизни она вызвала нарекания дагестанского горца, поскольку проводилась без учета особенностей сельского хозяйства Дагестана. Кроме того, в селах еще сохранялось значительное имущественное расслоение, исходя из которого следовало проводить налоговое обложение крестьян. С другой стороны, государство осуществляло комплекс мер по повышению эффективности сельского хозяйства. В широких масштабах проводились мелиоративные работы, крестьянские хозяйства оснащались сельскохозяйственными машинами. Все это постепенно давало положительный результат, что благотворно сказывалось на повседневной жизни селян.

Примечания

¹ См.: Очерки истории Дагестана : в 2 т. / отв. ред. М. О. Косвен. Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 1957. Т. 2. 479 с.

- ² Город и деревня // Красный Дагестан. 1923. № 79 (310).
- ³ См.: Очерки истории Дагестана. Т. 2. С. 117.
- ⁴ См.: История советского крестьянства Дагестана. 1917–1980 гг. : в 2 т. / отв. ред. Г. Ш. Каймаразов. Т. 1 : 1917–1941. Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 1986. 302 с.
- ⁵ См.: Современный Дагестан. По материалам Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции ДСРСР. Махачкала : б/и, 1925. 212 с.
- ⁶ См.: Очерки истории Дагестана. Т. 2. С. 118–119.
- ⁷ Центральный государственный архив Республики Дагестана (далее – ЦГА РД). Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 7. Л. 25.
- ⁸ См.: Ходатайство о сложении задолженности // Красный Дагестан. 1927. № 17 (1435).
- ⁹ См.: Еще о семсуде // Красный Дагестан. 1927. № 5 (1428).
- ¹⁰ ЦГА РД. Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 25. Л. 19, 19 об.
- ¹¹ Там же. Ф. Р-800 (Дагестанское отделение ОГПУ). Оп. 5. Д. 3. Л. 2 об.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Ф. Р-37(ДагЦИК). Оп. 19. Д. 66. Л. 138 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 143, 143 об., 144.
- ¹⁵ История советского крестьянства Дагестана... Т. 1. С. 100.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Современный Дагестан... С. 25.
- ¹⁸ Там же. С. 26.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 26–27.
- ²² Там же. С. 27.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 124.
- ²⁵ ЦГА РД. Ф. Р-800. Оп. 2. Д. 33. Л. 21.
- ²⁶ Там же. Д. 33. Л. 8.
- ²⁷ Там же. Л. 92.
- ²⁸ Там же. Ф. Р-168 (Совет Министров ДАССР). Оп. 4. Д. 5. Л. 17.
- ²⁹ Там же. Л. 35.
- ³⁰ История советского крестьянства Дагестана... Т. 1. С. 86.
- ³¹ Там же. С. 89.
- ³² См.: ЦГА РД. Ф. Р-168. Оп. 4. Д. 5. Л. 163.
- ³³ См.: Черный И. Сельское хозяйство // Красный Дагестан. 1923. № 68 (299).
- ³⁴ См.: История советского крестьянства Дагестана... Т. 1. С. 97.
- ³⁵ См.: Л. Наконец-то! // Красный Дагестан. 1923. № 70 (301).
- ³⁶ См.: Дорогая цена // Красный Дагестан. 1923. № 73 (304).
- ³⁷ См.: В. М. На помощь крестьянину // Красный Дагестан. 1927. № 28. (1441).
- ³⁸ См.: История советского крестьянства Дагестана... Т. 1. С. 90.

Поступила в редакцию 02.02.2020, после рецензирования 05.02.2021, принята к публикации 12.04.2021

Received 02.02.2020, revised 05.02.2021, accepted 12.04.2021